

Введение

Бхагаван Шри Раджниш - замечательный рассказчик, глаза его сверкают, руки его грациозны, его рассказы сплетают вас с самой его жизнью и вовлекают вас в путешествие, населенное такими персонажами, как напыщенный профессор, скелет, стоящий вместо Святого Духа, и всеиндийский чемпион по борьбе. Он рисует картины своей жизни, одна необыкновеннее другой.

Эти истории, хотя мы и смеялись много, - это больше, чем развлечение. Они выражают саму природу его существа. Они исходят от человека, живущего истиной, человека, не принимающего ничего, что не пережил он сам. Они открывают Подлинного Человека.

Эти беседы раскрывают еще и другую историю. Они раскрывают величайший заговор, продолжающийся на протяжении тысяч лет. Этот заговор ограничил нас, навязав нам сравнения и обуславливания. Эти беседы описывают тюремщиков - священников и политиков, - привязавших нас к верованиям и обещаниям.

«Когда мы рождаемся, все наши измерения открыты. В этом красота и достоинство человека. Вы забыли, что существование - вот ваша свобода».

Пришло время, говорит он, вывести на свет этот величайший заговор.

«Наша уникальность абсолютна».

Мы - индивидуальности, и их преступление состоит в том, что они украли у нас самые наши жизни. Он провозглашает, что жизнь со всеми ее тайнами и вызовами принадлежит нам. Нет ограничений или условий. Это потенциал, который, дожив до своего предельного воплощения, становится невыразимым. Просто безмолвие, вот оно переживание.

Перед нами Человек Существования, чистый и естественный человек. Эти слова - его празднование. Эта книга - приглашение к тому, чтобы еще раз выразить наш восторг, нашу забытую истину. Будьте осторожны - это не библия для вашей библиотеки, это редкое пламя, которое может обжечь вас. Это пламя, которое может заставить танцевать весь мир.

Свами Прем Сиддхена

[Читать полный вариант книги](#)

Беседа 1.

ЧЕЛОВЕК РОЖДАЕТСЯ СО ЗНАКОМ ВОПРОСА В СЕРДЦЕ

30 декабря 1984 года

Бхагаван,

Какое место занимает, мистицизм в Вашей религии?

Моя религия - это чистый мистицизм.

И ничего, кроме мистицизма.

В других религиях нет места для мистицизма. Да они и не могут его иметь по весьма простой причине: у них есть ответы на все вопросы - фальшивые ответы, ответы без доказательств, без аргументов. Они лишают существование мистики.

Всякое знание лишает существование мистики.

Я же не учу вас способности приобретать знания.

С другой стороны, все остальные религии учат именно этому - способности приобретать знания. В них действует Бог как создатель. В них действуют посланники Бога, дающие несомненные, непогрешимые ответы на все вопросы из достоверного источника.

Эти религии эксплуатировали человечество по той простой причине, что человек чувствует

некоторого рода неудобство, сталкиваясь с вопросами, на которые невозможно ответить. Эти вопросы существуют - человек рождается с этими вопросами, с большим знаком вопроса в сердце - и это прекрасно.

Это счастье, что человек рождается со знаком вопроса, иначе он был бы всего лишь видом животных. Буйволы не задают вопросов - они воспринимают все, как есть, что бы ни случилось, без всяких вопросов, - они поистине исполнены веры и религиозны. Деревья тоже не задают вопросов, птицы не задают вопросов; только человек имеет право задавать вопросы, это его привилегия. Во всем мире это единственное существо, способное задать вопрос.

Старые религии пытались отнять у вас это право. Они принижали вас до уровня животного. И именно это они и называют верой, «верой без сомнения». Они хотят, чтобы вы стали буйволом, ослом, но не человеком, потому что единственное, что выделяет человека из животного мира, - это знак вопроса. Да, это означает беспокойство. Конечно, жить без вопросов спокойней, но это спокойствие подобно смерти, в нем нет жизни. Эта тишина похожа на тишину крематория, кладбища.

Я предпочитаю видеть человека беспокойного, но живого. Я бы не хотел, чтобы он становился кладбищем. Этот покой и тишина - огромная цена за потерю жизни, разума и возможности открыть для себя прекрасное в жизни. Вопросительный знак не существует без значения. И это не заслуга дьявола, что каждый ребенок рождается с сомнением, а не с верой. Сомнение — это естественно.

Каждый ребенок задает тысячи вопросов. Чем больше ребенок задает вопросов, тем больше показывает он способностей открыть кое-что. Есть и немые дети - не физически немые, а психологически. Родители очень любят таких детей, потому что они не причиняют никаких беспокойств, они не задают вопросов, — а ведь даже маленький ребенок может разрушить все ваши познания.

Обратитесь к своему детству, в нем столь многое может помочь вам понять красоту вопросительного знака. И пока вы не осознаете этот вопросительный знак как нечто неотъемлемо присущее человечеству, вашему достоинству, вы не поймете, что означает мистицизм.

Мистицизм это не мистика. Мистика - это обычное занятие священников. Они отняли у вас знак вопроса.

Они разрушили ваши возможности открыть тайну существования. Но взамен они должны дать вам хотя бы что-нибудь, какой-нибудь сладкий леденец, называемый мистикой. Именно это и делали все священные писания, во всяком случае методология у них одна.

Например, в индуизме священные писания написаны на очень трудном языке - санскрите. Ни один индеец не говорит на этом языке - это мертвый язык. В том, что касается меня, я проделал мучительные попытки выяснить, был ли когда-нибудь этот язык живым, и я не нашел тому ни одного доказательства. Он был мертвым языком с самого начала; он был рожден мертвым. Он был придуман священниками. Люди никогда не пользовались им, они не могли его использовать. Он настолько сложен, полон грамматики, математики, фонетики, что люди не могут пользоваться им.

Когда люди говорят на каком-либо языке, язык начинает терять большинство грамматических структур, но становится более живым; менее математическим, но более значимым. Он становится грубым, не отшлифованным и изощренным, — и он начинает расти. Санскрит никогда не рос. Мертвое не может расти. Вот уже пять тысяч лет - и никакого роста. Воистину, мертвое не растет.

Живой язык, используемый при общении, постоянно растет. Его слова становятся все более и более округлыми, так же, как и камни в реке становятся все более округлыми. Постоянное

течение реки, удары о скалы и камни придают им округлые формы. Это настолько очевидно, что можно немедленно определить, какой язык мертвый, а какой - живой.

Живые языки никогда не бывают совершенными, - мертвые совершенны всегда, - так как живые языки используются несовершенными, грешными людьми, меняющимися из месяца в месяц. Такие языки используются все шире и шире.

Например, в Индии английский - привнесенный язык. Несколько слов слились с разговорной речью, - например слово «станция». До сих пор ничего подобного станции в Индии не было, и это слово пришло после появления английского языка и железнодорожных станций.

Но если вы посетите большинство индийских деревень, вы не сможете найти ни одного индийца, - я имею в виду девяносто процентов индийцев, не говорящих на английском языке, - использующих слово «станция». Это слишком трудно и изощренно. Взамен этого они используют, - только в разговорной речи, - слово «тесан». Все очень просто. «Станция» кажется им слишком трудным, требующим напряжения, именно поэтому и появилось «тесан».

«Рапорт»... слово, пришедшее вместе с английским языком, полицейскими участками и необходимостью отчитываться. Но отправляйтесь по деревням, и вы будете крайне удивлены: никто не говорит рапорт, все употребляют слово «рапат». Слово стало округлым, «рапат» - это искажение слова рапорт, с которым исчезает трудность произношения «рапорта». «Рапат» - так кажется более по-человечески. И так со многими словами... и они нам рассказывают удивительные истории: когда слова входят в разговорную речь, они сами принимают свою форму. Они изменяются от простого их использования.

Санскрит остается статичным. Древнееврейский, арабский, греческий, латинский языки — все они остаются статичными вдали от людских умов и рук. Санскрит никогда не был языком людей, и это загадка, - вся страна зависела от священников, и на санскрите они несли чистую чушь. Если вы узнаете, о чем они говорят, вы удивитесь, - что священного во всем этом? Но песнопения на санскрите, когда вы не знаете, о чем там поется, завораживают.

Чтобы сохранить писания священными, нужно держать их в тайне. Они не должны достигать людей, люди не должны читать их. А если они понадобятся, то для этого есть священники, которые прочтут вам их. Когда появилась возможность печатать, индусы очень противились публикации писаний: что тогда произойдет с мистификацией, господствующей тысячи лет?

Индусы мистифицировали всю страну той идеей, что они все тайны хранят в своих священных книгах, - а ведь девяносто процентов из этих книг полнейшая чушь. Для индусов они, может быть, и священные, но ни для кого больше. Когда большинство этих священных книг было переведено на другие языки, процесс мистификации остановился, индуизм потерял свою высоту и славу, потому что теперь их можно прочесть на любом языке - все писания доступны.

Махавира никогда не говорил на санскрите, Гаутама Будда никогда не говорил на санскрите, - и по очень простой причине: они пытались разрушить культ священников. Они говорили языком народа. И они осуждались священниками: «Это неправильный путь. Вы должны проповедовать на санскрите. Вы оба прекрасно образованные люди, - оба они были сыновьями великих князей. - Вы знаете санскрит, так почему же вы говорите на языке простых людей?»

И они отвечали: «По очень простой причине: мы хотим, чтобы люди знали, что мистификация должна быть разоблачена. Нет ничего в ваших священных писаниях, но только потому, что они написаны на языке, который никто не понимает, они оставляют что-то на долю людского воображения.»

Даже священники могут не понимать то, что они декламируют, потому что санскрит изучается запоминанием, а не пониманием. А между запоминанием и пониманием - большая

разница. Санскрит должен заучиваться, запоминаться, вы должны запомнить его. Он весь сосредоточен в памяти, а не в понимании. Вам не нужно беспокоиться о значениях, все, о чем вы должны думать, - это как пропеть.

И несомненно санскрит очень красивый язык, он напевный. Вы сможете запомнить песню намного легче, чем прозу той же длины. Стихотворение проще запоминается; поэтому все языки, которые изучаются запоминанием, столь поэтичны, они походят на песню и превосходно звучат. Значение? Вы и не спрашиваете о нем, потому что значение может быть так же глупо, как большинство сегодняшних газет, а может быть и хуже, ведь этой газете более пяти тысяч лет.

Когда поет брамин, вы будете заморожены его песнопением, он создает определенную атмосферу песни. Но в чем же смысл его пения? Может быть, строфа, которую он поет, - это молитва, возносимая к Богу: «Пожалуйста, спали урожай моего врага, а мой урожай пусть будет нетронутым во все времена. Пусть исчезнет молоко у коров моего соседа, и все молоко пусть окажется у моих коров». Когда вы поймете смысл, вы воскликнете: «Да это же чушь! Где же святость? Где религия? Это и есть религия?» — но нужно ли беспокоиться о значении.

Мулла, если вы слушаете его проповеди с башни его мечети... вы будете взволнованы его пением. Арабский язык поразительно захватывает, он обращается прямо к вашему сердцу. Он предназначен проникать именно туда, он не предназначается для вашего разума, вашего интеллекта. Он предназначен затрагивать ваши чувства, и он несомненно достигает своей цели.

Итак, когда вы слушаете арабский язык, вы будете взволнованы тем, что в нем есть что-то чрезвычайно красивое. Ну что ж, если звук приводит вас в волнение и восторг, что же говорить о смысле? Но пожалуйста, не спрашивайте о значении, потому что оно может оказаться настолько третьесортным и безобразным, что вы даже не поверите, как подобная чушь может произноситься на таком красивом языке.

Так что, знать священный язык людям не позволено. Он только для священников - это их монополия.

Это и есть мистификация. Это создано для того, чтобы удовлетворить вас, ведь у вас забрали нечто чрезвычайно важное, — знак вопроса, — что сделало бы все существование тайной.

Они дают нечто взамен, игрушку для того, чтобы вы играли с ней. И у них готовы все ответы. Еще до того, как спросит ребенок, они уже начинают снабжать его ответами. Давайте посмотрим, как это делается. Если вопрос не задан, ответ не существует.

И это именно то, что я собирался сказать вам. С самого моего детства мне начали давать ответы... ведь в джайнском храме всегда был специальный класс джайнизма, и каждый ребенок должен был посещать его, один час каждый вечер. Я отказался.

Я сказал своему отцу: «Во-первых, я не задавался такими вопросами, на которые они дают ответы. Это глупо. Когда у меня есть вопросы, я пойду и изучу их ответы, и попробую понять, правильны они или нет. В данный момент мне вообще не интересен вопрос. Кто создал мир? Боже мой! Мне это не интересно. Я знаю точно одно - я его не создавал».

Мой отец ответил: «Ты странный ребенок. Все дети в семье ходят, все дети соседей ходят, все ходят.»

Джайны старались жить по соседству, непосредственно рядом друг с другом. Меньшинство боится большинства, поэтому они старались быть поближе друг к другу, так безопаснее. Вот почему все дети ходили в храм, который был центром этого сообщества. И он тоже был защитой, иначе он в любой день был бы сожжен, если бы он стоял по соседству с индусами или мусульманами.

Становилось небезопасно: вы не можете ходить в свой собственный храм во время бунта. А были такие люди, которые не могли есть без посещения храма. Сначала они должны были пойти

в храм и очиститься, а только затем поесть. Так что, джайны живут в маленькой части города или деревни со своим храмом посередине и окружают его всем своим сообществом.

«Все же ходят», - сказал мой отец.

Я сказал: «Они, может быть, имеют вопросы, или они идиоты. Я не идиот, и мне не о чем спрашивать, поэтому я просто отказываюсь туда ходить. И я знаю, что то, чему учит преподаватель детей, - абсолютная чушь.»

Тогда мой отец сказал: «Как ты это можешь доказать? Ты всегда меня просишь доказывать; теперь прошу я, как ты докажешь, что учитель говорит чушь?»

Я сказал: «Пойдем со мной».

Он вынужден был ходить во многие места по многу раз; и это был всего лишь аргумент, чтобы его привести. Когда мы пришли в школу, учитель говорил, что Махавира обладал тремя качествами: всемогуществом, всезнанием, вездесущностью. Я сказал: «Ты прослушал, теперь пойдем в храм». Класс находился рядом с храмом, помещение примыкало к храму. И я сказал: «Войдем в храм».

Он спросил: «Но зачем?»

Я сказал: «Идем, я тебе докажу.»

Вот что я сделал: я подошел к статуе Махавиры, взял ладду, - это индийская сладость, круглая сладость, почти как шарик, - и положил его на голову статуе, вскоре там уже сидели две крысы и поедали ладду. «Где же твой всемогущий Махавира. Я вот вижу крыс, бегающих по его голове».

Мой отец сказал: «Да ты просто невозможен. Ты это сделал только для того, чтобы доказать!»

Я сказал: «Что же еще делать? Как еще доказать? Ведь я не могу найти, где Махавира. Это его статуя. Это единственный Махавира, которого знаю я, знаете вы и знает учитель. Но он же вездесущ, значит он и сейчас находится здесь и видит крыс и то, что они с ним делают. Он мог бы убрать этих крыс и сбросить мое ладдо. Меня здесь не было. Я пришел, чтобы забрать тебя. Я сделал все приготовления. Теперь докажи мне, что этот человек вездесущ. Я же об этом не беспокоюсь - может быть, он и есть такой. Почему это меня должно беспокоить?»

Но до того, как ребенок начнет задавать вопросы, вы фаршируете его голову всевозможными ответами.

Это и есть основное и самое главное преступление всех религий.

Это и есть программирование, обуславливание.

Эти религии осуждают меня за то, что я обуславливаю людей, а я просто снимаю эту обусловленность.

Своею обусловленностью они просто наполнили ваш ум различными ответами. Я же просто устранил эти ответы, чтобы вы могли найти свой вопрос. Они полностью скрыли вопрос, настолько полно, что вы забыли, что у вас вообще был какой-то вопрос.

На самом деле вы и не спрашивали. Вам не дается ни одного шанса познакомиться с вашим вопросом, с вашим вопрошающим разумом. Религии так боятся, что в один прекрасный день вы начнете задавать вопросы, - может быть лишь однажды, - и будет так сложно противостоять ответами вашему желанию, потому что вопрошающий разум вызовет сомнения; на их ответы он будет поднимать еще больше вопросов, да так, что вы даже и представить себе не можете.

Так что, самое лучшее - это совершить главное преступление: схватить ребенка, - и чем раньше, тем лучше, - и накормить его теологией, догмами, доктринами, катехизисами. Еще до того, как он даже осознает вопрос, он уже знает все ответы.

Если вы христианин, то откуда вы знаете, что существует троица? Что Бог-отец, Святой Дух и сын, все эти трое, обладают наивысшей монополией власти, что они доминируют в мире, что

они являются настоящими диктаторами, — откуда вы это знаете? Это вам сказали. Может быть, вы забыли, кто вам это сказал? Это было вам сказано так рано, что если вы не пройдете глубже и дальше назад, то вы никогда не узнаете, кто был тот парень, который испортил ваш ум.

Дева родила... если вы не христианин, вы немедленно возразите: как могла дева дать жизнь ребенку? Но если вы христианин, вы просто не спросите об этом, только потому, что еще до того, как появилась ваша способность задавать вопросы, ответ был уже заложен в вас. Вас программируют так, как будто вы компьютер, — вас просто постоянно кормят ответами.

И если кто-нибудь скажет что-нибудь против христианства, вы готовы убить или быть убитыми за всю эту чушь, которую вы даже не в состоянии открыть в себе сами. А человек, который навязывает вам это, и сам не знает, что делает, ведь то же было проделано с ним.

И так на протяжении веков. Каждое поколение передает все глупости и предрассудки последующему, думая, что они помогают становиться вам умнее.

Как только вы становитесь знающими, двери мистицизма закрываются для вас.

Мистицизм означает взгляд на реальность без всякого предубеждения.

Поэтому-то я и говорю, что так называемые религии не могут быть по-настоящему мистическими; мистифицирующими - да, но не мистическими, потому что они не в состоянии выполнить самого главного условия для того, чтобы быть мистическими.

Нужно отбросить все ваше знание, все, что вы приняли на веру, должно быть выброшено в канаву.

Ничто не имеет цены в этой вере, так что не волнуйтесь; это не сокровище, это трагедия. Если вы сможете избавиться от этого, вы почувствуете облегчение, вы внезапно освободитесь от бремени, ваши глаза станут глазами ребенка.

Все это - слои знания: индуизм, христианство, ислам... Все это слои знания - и не имеет значения, кто совершил преступление против вас; все религии замешаны в этом, совершая одно и то же преступление. И потому что все они совершают одно преступление, никто не протестует.

Все человечество в их руках.

А если найдется такой человек, как я, протестующий, очевидно, что он будет осужден всеми, раскритикован всеми, - но останется без ответа. Никто никогда не дал мне ответа. С самого моего детства я все время спрашивал. Никто не ответил ни на один мой вопрос, — просто не было ответов. Когда вы поймете, что все ответы произвольны и придуманы людьми только для того, чтобы хорошо себя чувствовать...

Это похоже на мать, говорящую своему ребенку, который боится спать один: «Не волнуйся, Иисус с тобой. Ты можешь спать. Ты не один». Как может ребенок подумать, что мать обманывает его — его собственная мать? И мать не думает, что она обманывает; она верит в это. Ее мать отравила ее, и она проделывает то же самое со своим ребенком. Естественно, что же еще она может сделать?

Ребенок боится оставаться один, но он должен научиться оставаться один, спать один. Скоро он пойдет в школу, он должен научиться стоять самостоятельно. Да и как долго он будет цепляться за мамин фартук? Она нашла прекрасное оправдание для слов: «Если он начнет чувствовать присутствие Иисуса или Бога и пойдет спать...»

Ребенок действительно почувствует себя лучше и будет меньше бояться. Ничего не изменилось, - комната осталась та же, он один, в темноте, - но теперь появилось чувство удобства, теперь Иисус смотрит за ним, Бог смотрит на него, и Бог везде. Ведь его собственная мать так сказала, и отец, и священник, и учитель; не могут ведь все ошибаться. И Бог невидим, Его нельзя увидеть, но уверенность в облегчении приходит к ребенку.

Это именно то, что знание делает с вами. Оно освобождает вас от задавания вопросов, а

ведь вопросы вызывают проблемы.

В этом мире вы не добьетесь ничего, если не будете рисковать чем-то ради этого. А Бога вы получаете так дешево, даже без вопросов. Ну и какую ценность может иметь этот Бог? Религия, которую вы приобрели, такая дешевая... Эта религия, этот Бог — всего лишь способы мистифицировать реальность, да так, что ваш вопрос остается подавленным.

[Читать полный вариант книги](#)